

После полудня на небе собралось много облаков, которые то и дело заслоняли солнце.

Из двора усадьбы Пэй доносились звуки оживленной беседы, сопровождаемые взрывами беззаботного, звонкого смеха.

Чэнь Чжи и Чжао Цинь устроились на сквозняке под навесом главного дома, весело болтая и попутно делая стежок за стежком на плотных обувных подошвах.

Тем временем в западном флигеле Чанся, Ян Сяотао и Ян Хуацюэ сидели рядком на кане и плели узорчатые шёлковые шнуры.

В глиняном кувшине на небольшом столике красовался букет свежих, покрытых каплями росы диких цветов, которые принесла с собой Ян Сяотао.

Ян Сяотао была второй дочерью Чжао Цинь; она была на два года младше Чанся, в этом году ей исполнилось семнадцать. Дома их семейств соседствовали, и, живя бок о бок столько лет, молодые люди, разумеется, прекрасно знали друг друга.

Сегодня утром она вместе с братьями бегала в горы поразвлечься и набрала там целую охапку цветов. А когда мать позвала её с собой в гости к Пэй, девушка прихватила букет, чтобы порадовать Чанся.

Что же касается Ян Хуацюэ, то он был маленьким шуаньэром из семьи её третьего дяди. Ему едва исполнилось пятнадцать лет, и он как раз заглянул к ним в дом поиграть, так что Сяотао взяла его с собой за компанию провести Чанся.

В этот час мужчин семейства Пэй дома не было: Пэй Яо вместе с отцом ушел на городской причал подрядиться на разгрузку товаров, а старый Пэй Цзаоань по своему обыкновению спозаранку отправился собирать хворост да косить траву для свиней. Именно поэтому двери и окна в комнате Чанся были распахнуты настежь.

Поскольку небо заволокло облаками и солнце скрылось, полуденный зной заметно спал, и легкий ветерок, то и дело залетающий в комнату, дарил блаженную прохладу и покой.

Разноцветные плетеные шнуры, нежный аромат диких цветов, наполнявший комнату...

Юные, еще совсем нежные лица троих подростков лучились задором и свежестью. В эту благодатную пору расцвета, пусть на них не было ни капли пудры или румян, а волосы не украшали дорогие шпильки и заколки, — обычный скромный пучок дарил им ту неповторимую, бьющую через край жизненную силу, которая буквально расцветала вокруг них.

Щечки Ян Сяотао были слегка пухлыми, а кожа из-за постоянной работы под солнцем приобрела легкий оттенок спелой пшеницы, зато природа наделила её копной иссиня-черных, лоснящихся волос.

Чтобы волосы не мешали работать, она заплела спадавшие на спину пряди в одну толстую, тугую косу, что придавало ее облику непринужденный вид.

За окном голоса Чэнь Чжи и Чжао Цинь внезапно стали тише, однако на подворье царила такая тишина, что обрывки их фраз всё равно долетали до ушей сидевших на кане ребят.

Ян Хуацюэ не выдержал, приснул в кулак и заговорщически зажал рот ладошкой, отчего его красивые персиковые глаза сошлись в очаровательные полумесяцы.

Даже Чанся не удержался и застенчиво улыбнулся. Оба шуаньэра дружно уставились на Ян Сяотао.

А за окном Чжао Цинь как раз завела с Чэнь Чжи разговор о замужестве своей дочери.

Ян Сяотао исполнилось семнадцать — самый подходящий возраст для сватовства и брака. На днях одна справная семья из деревни Чжаоли засылала через сваху удочки, чтобы разузнать намерения невесты. И сегодня женщина пришла в гости не просто ради праздной беседы, а чтобы выпросить у Чэнь Чжи подноготную того семейства.

Семья Пэй приходилась родственниками Чжао Ляньсину, так что они часто бывали в тех краях и знали местных жителей как свои пять пальцев.

В таком важном деле, как замужество дочери, следовало разузнать обо всем до мельчайших подробностей.

И какой бы бойкой и хваткой ни была Ян Сяотао в обычной жизни, эти разговоры заставили её щеки густо покраснеть.

Встретив лукавые, поддразнивающие взгляды Чанся и своего двоюродного брата, она растерялась, не зная, куда деваться от смущения, и лишь сердито надула губы.

Хмыкнув она демонстративно отвернулась от них. Решила больше на этих пересмешников не смотреть — с глаз долой, из сердца вон.

Тем временем Чэнь Чжи и Чжао Цинь продолжали вполголоса обсуждать жениха. Когда у них закончилась прочная пеньковая нить для подшивания подошв, они поднялись и перебрались в главный дом, чтобы взять новые припасы.

Теперь, когда голоса взрослых затихли вдали, Ян Хуацзюэ и Чанся перестали подтрунивать над подругой. Ян Сяотао, ухватившись за свою работу как за спасительную соломинку, поспешила перевести тему и повернулась к ним, демонстрируя только что законченный шнур.

Все трое склонили головы, увлеченно обсуждая, как правильнее затягивать узелки и кто в их деревне владеет этим ремеслом искуснее всех. Но едва беседа потекла в веселом русле, как со двора донеслись скорые шаги.

Стоило им поднять головы и взглянуть в окно, как их взгляды тут же пересеклись со взором вошедшего на подворье Пэй Яо.

Ян Сяотао мазнула по нему привычным взглядом, ничуть не смутившись.

Их дома стояли бок о бок, и точно так же, как и с Чанся, с Пэй Яо они были знакомы с пелёнок — в детстве на Новый год вместе взрывали хлопушки да жгли факелы из соломы.

И только Ян Хуацзюэ, чья семья жила на старой окраине деревни и который почти не знал Пэй Яо, пришел в страшное замешательство. Окна и двери были распахнуты настежь, и бедный паренек просто не знал, куда спрятаться от этого пристального взгляда.

Пэй Яо не стал подходить близко к окну; замерев посреди двора и завидев гостей, он лишь едва заметно кивнул головой в знак приветствия и, не задерживаясь, сразу прошел к себе в восточный флигель.

Чанся поспешно притворил створки окна и прикрыл дверь, оставив лишь узкую щелочку.

Молоденький Ян Хуацюэ не на шутку залился румянцем; когда первая вспышка паники улеглась, он сидел, низко опустив голову и не смея проронить ни звука.

Красота Пэй Яо гремела на всю округу. Он был не просто писанным красавцем, но вырос высоким, плечистым и крепким парнем — незаменимым помощником в любом крестьянском труде.

Хуацюэ не раз доводилось слышать, как деревенские девчонки и шуаньэры шептались о нем между собой: все наперебой твердили, что при встрече с Пэй Яо у них сердце уходит в пятки от смущения, но они всё равно ухитряются украдкой кинуть на него пару-тройку взоров.

Прежде он был совсем несмышленишкой, не обращал на подобные разговоры внимания, да и к чему ему, шуаньэру, заглядываться на чужих парней? Но в нынешнем году он словно прозрел, начав понимать толк в красоте.

И стоило ему сегодня воочию увидеть Пэй Яо, как он понял: людская молва не лгала.

Лик Пэй Яо был вылеплен на редкость искусно: переносица прямая и высокая, контуры лица четкие и мужественные, а антрацитово-черные зрачки смотрели так, словно в глубине его глаз от природы жила легкая, едва заметная улыбка.

Пусть по натуре своей он был парнем дерзким и вспыльчивым, из-за этого теплого взгляда казалось, что он ко всем относится с радушием и кротостью, без тени высокомерия или колючей резкости.

Окутанные первыми робкими грезами юноши и девушки умели лишь восхищаться и вздыхать, тогда как остальные деревенские жители смотрели на вещи куда практичнее.

Семья Пэй жила в достатке. Десять му земли на первый взгляд могли показаться скромным наделом, но четыре му из них были первосортными, жирными заливными землями. Не стоило забывать и о том, что Пэй Юва каждую зиму, едва наступало затишье в полевых работах, отправлялся с купцами на отхожий промысел, благодаря чему они и смогли отстроить этот шикарный дом под синей черепицей.

Одни только высокие каменные стены подворья да аккуратные ряды кирпичной кладки позволяли без обиняков причислить семью Пэй к зажиточным хозяевам деревни Ваньэр.

Именно поэтому, едва Пэй Яо исполнилось пятнадцать лет, многие в деревне начали строить планы и засылать свах, желая породниться со справным семейством.

Вот только Пэй Юва еще в стародавние времена привез для сына маленького суженого-шуаньэра, которого они воспитали в собственном доме. Так что всем, у кого сердце замирало от вида завидного жениха, оставалось лишь горько вздыхать да завидовать молча.

Услышав доносившийся со двора плеск воды — Пэй Яо принялся усердно мыть руки и лицо после работы, — Чжао Цинь и Чэнь Чжи поняли, что все важные дела обсудили. Они не стали больше задерживаться и, прихватив Ян Сяотао и Ян Хуацюэ, поспешили откланяться.

Чэнь Чжи и Чанся проводили гостей до самых ворот.

Ян Хуацюэ был ещё совсем юн, но за последние пару лет его черты округлились, и он стал на

редкость миловидным малым.

Алая отметина-хэдянь между его бровей горела сочным, пунцовым цветом, глаза-персики лучились живым блеском, а сам он был настолько белокожим, что проступивший на щеках румянец казался нанесенным искусною рукою слоем дорогой румяны. Глядя на такое дитя, сердце любого взрослого невольно таяло от умиления.

Увидев такого пригожего ребенка, редкий взрослый не задержит на нем взгляд подольше. Чэнь Чжи добродушно прищурился и с улыбкой заметил:

— А наш братец Цюэ с каждым днем расцветает всё краше да виднее.

Ян Хуацюэ от этих слов вконец засмутился, густо покраснел и, поджав губы, робко улыбнулся в ответ.

— И то правда! Я и сама говорю: на нашего Цюэ посмотришь — и сердце радуется, до чего ж ладный малый, — с улыбкой поддакнула Чжао Цинь, не сводя взгляда с яркой отметины на лбу племянника.

Эта пунцовая точка-хэдянь служила главным отличием шуаньэра от обычного мужчины: чем ярче и сочнее горит этот знак, тем легче и благополучнее шуаньэр сможет в будущем выносить и родить здоровое потомство.

Женщина прекрасно знала, какие думы бродят в головах родителей Ян Хуацюэ: С такой завидной внешностью негоже его отдавать за первого встречного бедняка. Семья должна быть как минимум ровней, а если подвернется жених побогаче — с такой-то красотой Хуацюэ без труда сможет занять место в зажиточном доме.

В этот миг взгляд Чжао Цинь случайно упал на Чанся. Улыбка на её лице ничуть не изменилась, и она неспешно повела дочь и племянника в сторону дома.

Ей невольно вспомнился разговор с матерью Ян Хуацюэ — её снохой, — случившийся в начале нынешнего года. Они тогда сидели, судачили о новом доме семьи Пэй, и скрывать тут было нечего: зависть их брала нешуточная. А следом разговор сам собой перекинулся на женитьбу Пэй Йо.

Пэй Йо был всего на год старше Ян Хуацюэ — возраст самый что ни на есть подходящий, собой хорош, да и семейство Пэй жило побогаче, чем дом Хуацюэ.

Сноха тогда в шутиливом разговоре возьми да и оброни с досадой: мол, до чего ж жаль, что у Пэй Йо с малых лет в доме подрастает этот суженый, не будь его — обязательно заслали бы сваху, чтобы сосватать нашего Цюэ.

До Чжао Цинь и прежде долетали подобные деревенские пересуды, но до сегодняшнего дня она не придавала им особого значения — мало ли о чем люди языками чешут.

Однако сегодня, говоря о браке собственных детей и снова увидев Чанся, она вдруг с удивлением осознала, что ему-то пошел уже девятнадцатый год! Он был на целых два года старше её собственной Сяотао, а в семействе Пэй на этот счет по-прежнему царила полнейшая тишина.

Она шла по тропинке, размышляя про себя: при случае надо бы ненавязчиво намекнуть Чэнь Чжи, что ребенок-то уже вырос, негоже и дальше тянуть кота за хвост. Если Чанся перешагнет

порог двадцатилетия, а свадьбу так и не сыграют, по деревне немедля поползут злые и грязные слухи.

И о чем только думает этот Чэнь Чжи? В обычных делах такой хваткий да сметливый человек, а в таком важнейшем вопросе проявил сущую глупость и беспечность.

*

Старушка Доу Цзиньхуа в последние дни чувствовала себя неважно — жаловалась на сильную ломоту в ногах, так что уже два дня не вставала с кана и в поле не выходила.

Вернувшись от ворот, Чанся уловил доносившийся из восточной комнаты глухой, натужный кашель. Он подхватил стоявший на глиняной печурке чайник и поспешил внутрь, чтобы подлить свежего кипятку.

Налив полную пиалу, он присел на край кана, протянул её старушке и заботливо спросил:

— Бабушка, как твои ноги? Всё еще сильно ломит?

— Да куда лучше прежнего, — Доу Цзиньхуа приподнялась, сделала несколько глотков горячего чая и спросила: — Кто это там у ворот шумел?

Чанся ответил:

— Тетушка Цинь заходила вместе с Сяотао и братцем Цюэ.

Доу Цзиньхуа лишь молча кивнула головой, расспрашивать больше не стала и, осушив пиалу до дна, снова бессильно откинулась на постель.

Чанся подхватил чайник и направился к выходу. Но едва он переступил порог центрального зала, как нос к носу столкнулся с входившим в дом Пэй Яо.

Чанся испуганно замер на месте, судорожно отдернув руку с обжигающе горячим чайником назад, чтобы, упаси бог, не обварить брата.

Пэй Яо отшатнулся на полшага назад. Его взгляд на мгновение замер на лице поднявшего голову Чанся, после чего юноша поспешно отвел глаза в сторону и глухо спросил:

— Как там бабушка? Ей сегодня полегче?

Чанся решил, что столкновение вышло случайным, и поспешил ответить:

— Получше ей. Только что испила водицы да снова прилегла отдохнуть.

— Угу, — буркнул Пэй Яо, кивнув головой.

Чанся от природы был неразговорчив, а уж когда они оставались наедине с братом — и подавно. Если в присутствии Чэнь Чжи или Доу Цзиньхуа он еще мог перекинуться парой фраз о домашних делах, то теперь, стоило им замолчать, как в комнате повисла гнетущая, звенящая тишина.

Высокий, плечистый юноша замер прямо перед ним, преграждая путь и не думая двигаться с места, а его глаза снова подернулись тем самым странным, пугающим блеском.

Чанся никак не мог взять в толк, что происходит, но в душе его шевельнулось смутное, липкое беспокойство. Он крепче сжал в пальцах глиняную ручку чайника и испуганно отвел взгляд в сторону, не смея больше смотреть на Пэй Яо.

В этот момент со двора вернулся Чэнь Чжи. Он нес в руках охапку только что сорванных с грядки овощей и на ходу громко спросил, направляясь к кухне:

— Пэй Яо, а отец-то твой где выискался?

Пэй Яо с самым невозмутимым видом повернулся к папе и ответил:

— На причале после полудня грузов почти не было. Когда мы возвращались, отец сказал, что ему нужно на минутку заглянуть к дяде Шуаню — разузнать насчет мастеров-колодезников. Я с ним не пошел, решил вернуться пораньше.

— Вот оно что, — кивнул Чэнь Чжи. Он устроился прямо на пороге кухни и принялся споро перебирать и чистить овощи.

Завидев, что пора приниматься за готовку ужина, Чанся поспешно водрузил чайник обратно на печурку и бросился на помощь папе.

Ночное небо сияло первозданной чистотой. Мириады далеких звезд искрились и переливались, сливаясь в грандиозную, сверкающую алмазной крошкой полосу Млечного Пути.

Легкий ночной ветерок с тихим шорохом перебирал листву на вершинах деревьев, а в траве без умолку стрекотали цикады — их разноголосый хор утих лишь к тому времени, когда луна поднялась к самому зениту.

Высокогорная деревня погрузилась в звенящую, безлюдную тишину. Дневной удушающий зной полностью уступил свои права, оставив после себя лишь упоительную, желанную прохладу.

Спящие люди давно провалились в глубокое царство снов.

Бледный лунный свет пробивался сквозь тонкую оконную бумагу, заливая комнату чистым, серебристым сиянием.

Однако эта ночная прохлада не принесла долгожданного облегчения юному, пышущему жаром телу.

В крошечной тьме восточного флигеля внезапно распахнулись глаза, полные дикого, неосознанного смятения. Юноша словно еще не до конца пробудился ото сна, и перед его мысленным взором все еще явственно колыхались картины недавнего, бесстыдного и путаного наваждения.

Сон был зыбким и туманным, а силуэт человека, явившегося к нему в ночи, казался размытым и темным. Единственное, что врезалось в память со страшной, пугающей четкостью — это те самые испуганные глаза и манящие, нежные губы.

Пэй Яо поднял руку, с силой потер пальцами переносицу и уже собирался повернуться на другой бок, как вдруг почувствовал странную, липкую и холодную влагу на своем исподнем.

Лицо его в один миг потемнело от ярости. Юноша в крайнем раздражении резко сел на постели, а едва в его мыслях снова всплыл образ того, кто лишил его покоя во сне, в душе его

вспыхнула глухая, злая обида. Он яростно спустил ноги с кана и зашагал к выходу.

Скрип открываемой двери разбудил старого желтого пса. Пес лениво приподнял голову, мазнул взглядом по молодому хозяину и, убедившись, что всё в порядке, со спокойной душой улегся обратно.

Пэй Яо старался зачерпывать воду из чана как можно тише, чтобы не издавать лишнего шума. Лунный свет заливал подворье, делая его светлым, словно днем.

Словно заправский воришка, Пэй Яо в спешке застирал свои нижние штаны, после чего с мрачным лицом вернулся к себе в комнату и небрежно швырнул мокрую ткань сушиться на подлокотник деревянного кресла.

*

С самого раннего утра Чанся никак не мог взять в толк, какой очередной провинностью он ухитрился разгневать Пэй Яо.

Пользуясь утренней благодатной прохладой, он подхватил бамбуковую корзину и отправился в поле косить свежей травы, и Пэй Яо увязался вслед за ним.

В крестьянском хозяйстве им и прежде частенько приходилось работать плечом к плечу, скрывать тут было нечего — они привыкли к этому с самого раннего детства.

Но когда брат в очередной раз наступил ему на пятку, заставив тканевую туфлю-бусе слететь с ноги, Чанся не выдержал. В уголках его глаз выступили едва заметные слезинки, он обернулся и тихонько, со всей доступной ему кротостью спросил:

— Ну что опять случилось?

Увидев этот его робкий, испуганный вид — Чанся казался маленьким зверьком, которого окончательно затерроризировали и который вот-вот разрыдается, — Пэй Яо почувствовал, как в его горле судорожно и дико дернулся кадык.

Мужественное тело Пэй Яо уже полностью сформировалось; из-за его высокого роста и поджарого сложения выступающий на шее кадык казался особенно заметным, и когда он двигался, это выглядело до умопомрачения красиво.

Вот только Чанся этой красоты не заметил — ему в жизни не приходилось терпеть подобных издевательств.

Он и без того был трусишкой, а тут Пэй Яо замер прямо у него за спиной, мрачный, безмолвный и грозный. И так повторялось уже несколько раз: стоило Чанся поправить обувь и сделать шаг вперед, как брат тут же наступал ему на пятку, заставляя туфлю слетать.

Крупные прозрачные слезинки задрожали на ресницах Чанся, готовые вот-вот покатиться по щекам.

Этот блеск словно приковал к себе взгляд Пэй Яо; его взор медленно переместился на покрасневшие уголки глаз брата, а затем замер на тонкой, изящной отметине-хэдянь между его бровей.

Он прекрасно помнил Ян Хуацюэ, который заходил к ним вчера.

Все деревенские парни, стоило им завидеть смазливое личико, так и вились вокруг него ужом. Когда Хуацзюэ или другие миловидные шуанъэры и девчонки выходили в поле косить траву или собирать хворост, парни наперебой бросались вперед, заискивая и стремясь выполнить за них всю тяжелую работу.

Но то были признанные красавицы да красавцы. А Чанся... Чанся дожил до таких лет, но ни один парень в деревне ни разу не подошел к нему ближе положенного, не говоря уже о том, чтобы помочь с работой.

В душе Пэй Яо вспыхнуло упрямое желание придраться к брату, съязвить или отпустить колкость, но перед его глазами с новой силой предстали картины недавнего ночного сна.

Вокруг не было ни единой души, и весь первородный страх Чанся оказался зажат и поглощен бледными губами.

Прильнувший к нему статный юноша прикрыл глаза, и его дыхание вмиг превратилось в обжигающий жар.

<http://bllate.org/book/17875/1725015>